

Вокруг ещё грохотали фейерверки, хотя у ближайших соседей они уже отгремели. Закрыв в комнате окна и двери, шум стал значительно тише.

Уши, оглушённые долгими взрывами, вдруг ощутили непривычную тишину, отчего в голове возникло странное чувство пустоты.

Но сквозь щели всё равно просачивался запах пороха – тот самый, особенный аромат Нового года.

Приглушённые хлопки петард, смешиваясь с этим запахом, создавали в маленькой комнате уютную атмосферу умиротворения.

Фан Чи, похоже, перебрал с алкоголем – он лежал на кровати, заморожено разглядывая маленький рисунок, и Сунь Вэньцуй гадал, не затекла ли у него рука.

Вряд ли. Всё-таки парень занимался скалолазанием, и его руки были достаточно сильными.

Сунь Вэньцуй сел за стол, взял лист картона, включил настольную лампу и начал рисовать.

Изобразить Фан Чи оказалось непростой задачей. Когда тот попросил нарисовать его самого, Сунь Вэньцуй даже растерялся. Он достал из ящика маленькое зеркальце и поставил перед собой.

Чёрт, какой же красавец.

Просто невероятно красив.

Фан Чи не разбирался в искусстве, поэтому Сунь Вэньцуй быстро набросал свой портрет. Получилось сносно – для дилетанта более чем достаточно.

В правом нижнем углу он поставил подпись и дату, затем подошёл к кровати и протянул рисунок:

- Держи.

- Так... быстро? – Фан Чи всё ещё разглядывал первый рисунок, но взял новый и стал сравнивать их, держа оба перед собой. Его речь была слегка заплетающейся. – Ты себя нарисовал... красивее, чем меня.

- Это не от того, кого я рисую, – Сунь Вэньцуй лёг рядом с ним на кровать и ткнул пальцем в рисунок. – Я просто красивее тебя.

- Ага, – пробормотал Фан Чи, аккуратно сложил оба рисунка в конверт и сунул в карман. Потом повернул голову к Сунь Вэньцую, его взгляд был мутным. – А сколько ты положил в конверт?

- Сам посчитай, – усмехнулся Сунь Вэньцуй.

- Завтра. Сейчас не смогу, – Фан Чи прищурился. – Посмотри на меня, у меня глаза не косят? Мне кажется, я всё вижу... в двух экземплярах.

- И ты всё ещё отрицаешь, что перепил? – Сунь Вэньцуй внимательно изучил его глаза. – Нет, не косят.

- Я и не отрицаю, – Фан Чи хрипло рассмеялся. – Просто голова кружится. Стоит закрыть глаза

- и сразу усну.

Такое поведение было для него редкостью. Сунь Вэньцзюй смотрел на Фан Чи, а тот, хоть и был пьян, не отводил взгляда. Их глаза встретились – открыто, без обычной для Фан Чи скованности. Видимо, алкоголь сделал своё дело.

- Знаешь, – Сунь Вэньцзюй закинул руки за голову, – когда я впервые тебя увидел, подумал: "У этого мелкого жулика довольно выразительные глаза, глубокие... жаль, что он мошенник".

- Правда? – Фан Чи усмехнулся. – Мой дед говорил, что во всей нашей семье... только у меня такие глаза. Как у прадеда.

- Ну ты молодец, удачно унаследовал. А нос явно от мамы, – заметил Сунь Вэньцзюй.

- Сыновья обычно похожи на матерей, – Фан Чи перевернулся на бок, лицом к нему. – Ты тоже, наверное, на маму похож. Она, наверное, красивая.

- Мама... – Сунь Вэньцзюй криво улыбнулся. – Да, красивая.

- Что это за тон? – Фан Чи потрогал торчащую из-под ворота косточку на его шее. – Эх, только пьяным могу спросить... У тебя с семьёй... не ладно?

- М-м, – Сунь Вэньцзюй усмехнулся. – Не то чтобы не ладно... а совсем плохо.

- Почему? – голос Фан Чи стал гнусавым, будто он вот-вот заснёт.

- Отец считает меня неудачником, – ответил Сунь Вэньцзюй.

- Не может быть! А что тогда считать успехом? – Фан Чи с трудом сфокусировал взгляд. – Ты пишешь иероглифы, рисуешь, играешь на эрху, делаешь керамику... шахматы, каллиграфия... Ты в шахматы играешь?

- В го умею, – Сунь Вэньцзюй не сводил с него глаз.

- Ну вот: музыка, шахматы, каллиграфия, живопись, керамика – во всём ты хорош. И это неудача? – Фан Чи цокнул языком. – Будь у меня такой сын, я бы от счастья на седьмое небо взлетел.

- Мечтать не вредно, – рассмеялся Сунь Вэньцзюй.

- ...Ты прав, – хотя веки Фан Чи уже слипались, в его глазах промелькнула тень. – Ты прав.

Сунь Вэньцзюй нахмурился и провёл пальцем по его подбородку:

- Эй, я имел в виду, что тебе не видать такого сына, как я.

- Любого сына мне не видать, – тихо вздохнул Фан Чи.

Сунь Вэньцзюй промолчал, продолжая водить пальцем по его подбородку.

Фан Чи почти закрыл глаза, казалось, вот-вот заснёт, но через мгновение приоткрыл их снова:

- Слушай... Почему ты так и не написал "прибавления в семье" на тех парных надписях?

- Ты и так из-за случайной фразы в таком состоянии, - Сунь Вэньцзюй цокнул языком. - Написал бы я это - ты бы, наверное, разревелся.

- Да брось, - Фан Чи закрыл глаза и усмехнулся. - Я не плакал с начальной школы.

Сунь Вэньцзюй молча смотрел на него.

Фан Чи тоже не шевелился. Когда Сунь Вэньцзюй уже решил, что он уснул, тот снова приоткрыл глаза:

- Эй.

- М-м? - отозвался Сунь Вэньцзюй. - Спи уже.

- Твоя семья... знает? - спросил Фан Чи.

- Что именно? - Сунь Вэньцзюй засунул руку под спину и начал расчёсывать шерсть Генерала Хуана.

- Ну... что ты... любишь мужчин, - Фан Чи выдавил из себя с трудом.

- Знают.

- И как они отреагировали? - Фан Чи снова закрыл глаза. - Чёрт, как же голова кружится...

Сунь Вэньцзюй ненадолго задумался, прежде чем ответить:

- Никак.

Фан Чи усмехнулся и перевернулся на спину.

Сунь Вэньцзюй не шевелился, разглядывая его профиль.

Линия скулы у Фан Чи была удивительно красивой - чёткой, но не резкой. Глаза, переносица, губы, подбородок - всё вместе создавало идеальный контур.

Помолчав, Сунь Вэньцзюй решил, что он уснул, и хотел было накрыть его одеялом, но в этот момент Фан Чи пробормотал что-то.

- М-м? - Сунь Вэньцзюй повернулся к нему.

Фан Чи открыл глаза и уставился на него, не говоря ни слова.

- Что ты сказал? - Сунь Вэньцзюй наклонился ближе.

- Я сказал, что ты за гончарным кругом выглядишь потрясающе, - прошептал Фан Чи.

- А, - кивнул Сунь Вэньцзюй.

Последовавшая тишина, наполненная их взглядами, показалась ему знакомой.

Сунь Вэньцзюй вспомнил.

В прошлый раз после такого молчания он получил кулаком в глаз, и синяк не сходил несколько дней.

Но сейчас во взгляде Фан Чи было что-то новое – возможно, алкоголь придал ему смелости, и он не отводил глаз, как обычно.

– Ты... – Сунь Вэньцзюй прокашлялся. Хотя у него и были определённые мысли, учитывая состояние Фан Чи, реализовывать их сейчас было бы неправильно.

Он уже собирался велеть ему спать, как вдруг Фан Чи резко поднял руку и обхватил его за плечо.

Движение было настолько неожиданным, а хватка настолько сильной, что Сунь Вэньцзюй, и так сидевший неустойчиво, рухнул на кровать.

Генерал Хуан выскочил из-под одеяла и запрыгнул на стол.

Сунь Вэньцзюй опешил – он не знал, что сказать или как реагировать.

Но Фан Чи не дал ему времени на раздумья. Едва Сунь Вэньцзюй оказался на кровати, как Фан Чи перевалился через него, прижав своим весом.

А затем поцеловал.

Этот поцелуй был прямолинейен, без прелюдий – едва их губы соприкоснулись, как язык Фан Чи уже проник в его рот.

Нагло.

Таковой была первая мысль Сунь Вэньцзюя.

Честно говоря, какими бы ни были мотивы Фан Чи, в данной ситуации Сунь Вэньцзюй не собирался отказываться.

Ли Бовэнь был прав – три года это вам не шутки.

Он ответил на язык Фан Чи, осторожно переплетаясь с ним.

Но реакция Фан Чи оказалась куда более яростной, чем он ожидал.

Едва они начали этот немой поединок, как рука Фан Чи вдруг скользнула под его одежду.

Его ладонь была слегка шершавой, и каждое прикосновение будто било Сунь Вэньцзюя током, заставляя дыхание сбиваться. Он в ответ запустил руку за спину Фан Чи, сдёрнул с него футболку и впился пальцами в упругие мышцы.

Фан Чи, кажется, на мгновение замер, затем сильно сжал его бока, после чего его губы соскользнули с губ Сунь Вэньцзюя к шее, и наконец он уткнулся лицом в его плечо.

Сунь Вэньцзюя вдруг накрыло волной головокружения, будто доза алкоголя, до этого дремавшая в крови, внезапно ударила в голову, зажигая в теле огонь, который требовал немедленной разрядки с Фан Чи.

Но движения Фан Чи постепенно затихли.

Сунь Вэньцзюй ещё пару раз провёл рукой по его спине, гадая, что случилось, как вдруг Фан Чи прошептал ему что-то на ухо.

- Что? - переспросил Сунь Вэньцюй.

Фан Чи не ответил.

- Эй? - Пламя внутри Сунь Вэньцюя мгновенно погасло без топлива. Он повернул голову, чтобы взглянуть на Фан Чи, но услышал лишь тихое посапывание.

- Ты что, серьёзно? - Сунь Вэньцюй в бессилии шлёпнулся на кровать. - Ну ты даёшь, Фан Сяочи!

Фан Чи хмыкнул, но не проснулся.

- Вот бля... - Сунь Вэньцюй раскинул руки. - Ну ты и сволочь...

Фан Чи действительно перебрал.

Он уснул, лёжа на Сунь Вэньцюе, да ещё и всем весом, так что тому не удалось скинуть его с первого раза.

- Ну и груз же ты, - вздохнул Сунь Вэньцюй. - Задавишь ведь меня насмерть.

Он и сам выпил немало, а после такого резкого возбуждения и последующего охлаждения сил почти не осталось - всё тело стало ватным, и глаза сами закрывались.

Пролежав так пару минут, он снова попытался столкнуть Фан Чи, и на этот раз тот неохотно заворчал, сморщился и перекатился на бок, освободив Сунь Вэньцюя.

Сунь Вэньцюй сел, схватил одеяло и набросил его на Фан Чи, не зная, что делать дальше.

Он какое-то время смотрел на Фан Чи, потом протянул руку под одеяло, потрогал его пару раз, наконец вздохнул, взял подушку, натянул на себя половину одеяла и закрыл глаза.

Какого чёрта вообще происходит...

Когда пьёшь, легко замёрзнуть. Фан Чи чувствовал, будто мчится по заснеженному полю, ветер свистит в ушах, а он пробивается сквозь метель.

После долгой борьбы он наконец нашёл камин - тёплый и мягкий - и тут же бросился к нему, обняв изо всех сил.

Блаженство.

Наконец-то он согрелся и уснул.

Этой ночью спалось не очень крепко: то и дело раздавались хлопучки, и Фан Чи чувствовал, будто всю ночь то просыпался, то снова засыпал, хотя, возможно, и не просыпался до конца.

Единственная мысль, которая у него была: «Как же хочется спать... Как холодно... Надо крепче обнять камин».

Когда его окончательно разбудили хлопучки соседей, на улице уже рассвело, и сквозь щель в шторах пробивался золотистый солнечный свет.

Неохотно зевнув, он долго разглядывал участок шеи перед своими глазами.

И только заметив маленький чёрный якорь, окончательно очнулся.

Он провёл всю ночь, крепко обняв Сунь Вэньцюя.

В тумане воспоминаний ему смутно казалось, что перед этим должно было произойти что-то ещё.

Что же...

Ах да...

Фан Чи осторожно встал, так же осторожно накрыл его одеялом, тихо надел куртку, бесшумно открыл и закрыл дверь – и только тогда Сунь Вэньцюй перевернулся на другой бок, разминая руку, которую всю ночь сжимали в тисках.

Раньше он не знал, как спит Фан Чи, но за эту ночь понял отлично: дико и деспотично, обнял – и не отпускает, будто поймал вора и ждёт полицию.

Жаль только, что полиция так и не пришла.

Сунь Вэньцюй цыкнул, сбросил с себя оставшуюся одежду на пол, укутался в одеяло, уткнулся лицом в подушку и закрыл глаза.

- Сколько денег тебе дали на Новый год? – Ху Юаньюань перехватила его во дворе, улыбаясь.

- Столько же, сколько и тебе, – усмехнулся Фан Чи, достал из кармана красный конверт и вытащил сотню. – Поздравь меня с праздником – и я тебе тоже дам.

- С Новым годом, братец Чи! – тут же радостно сказала она.

- Умница. – Он положил деньги ей в руку.

- Ты такой хороший, а братец Хуй – жмот ещё тот, – проговорила Ху Юаньюань, заглядывая в конверт у него в руке, и вдруг округлила глаза. – Это ты кому-то даришь или тебе подарили? Так много!

- М-м? – Фан Чи опустил взгляд и, увидев в конверте пачку купюр, вдруг вспомнил: это тот самый конверт, который вчера дал Сунь Вэньцюй.

Толщина указывала на сумму не меньше двух тысяч – у них в семье столько не дарят. Он поспешно сунул конверт обратно в карман:

- Это... я все свои конверты в один сложил.

- Круто, – рассмеялась Ху Юаньюань, затем взглянула вверх. – Братец Сунь ещё не встал?

- Не знаю... Вряд ли, – Фан Чи тоже посмотрел вверх: шторы по-прежнему были задернуты. – Вчера он тоже немало выпил, наверное, ещё спит.

- О-о... – Ху Юаньюань обняла его за руку. – А сколько ему лет?

- Наверное... скоро тридцать, – ответил Фан Чи. – А что?

- Ой? Да он уже дядя, – задумалась она, потом снова рассмеялась. – Мне кажется, он очень

красивый.

Фан Чи фыркнул: – О чём ты только думаешь?

– О симпатичных парнях, – Ху Юаньюань отпустила его руку и побежала на кухню. – Дедушка, я хочу перекусить!

Действительно, красивый.

Фан Чи потер нос, насвистел – и Малыш примчался из заднего двора через гостиную.

– Дедушка, я пойду прогуляюсь! – крикнул он на кухню.

– Иди, иди, только к обеду возвращайся, – отозвался дед. – Твои любимые пельмени с мясом, одни мясные.

– Ага, – буркнул Фан Чи и выбежал со двором с Малышом.

Деревенская дорога была усыпана красной бумагой от хлопушек, ярко выделявшейся на снегу и создававшей праздничное настроение. Дети с визгом носились туда-сюда, то и дело останавливаясь, чтобы поджечь пару хлопушек.

Фан Чи надвинул шапку, вставил наушники, прибавил громкость и побежал по дороге за пределы деревни.

Задние горы были тихими – в это время года деревенские сюда не поднимались, не было и групп туристов. На всём горном склоне и тропинке внизу был только он один.

Ну и ещё одна резвящаяся собака.

Фан Чи очень нравилось это ощущение: он, знакомые пейзажи, знакомый воздух – никто не мешал, и в голове не было лишних мыслей.

Только бег. Шаг за шагом, широко, вперёд.

В ушах – музыка и собственное дыхание.

Бежишь вперёд, и ветер холодит лицо и шею, проясняя мысли и успокаивая.

Вскоре Фан Чи свернул на горную тропу. Дорога была неровной, но мягкая земля пружинила под ногами, и бежать было приятно.

Эти горы он знал как свои пять пальцев: в детстве дед водил его сюда за дровами и грибами, а летом он забирался в самый дальний и безлюдный омут – купался и нырял с высоких камней.

Тогда же он заложил основы своего скалолазного мастерства.

Он бежал вглубь гор, а когда дорога закончилась, начал карабкаться вверх.

Ему нравилось слушать своё дыхание, чувствовать, как пот стекает по лицу и спине.

Вот так и вырос – дикарём.

Когда переехал в уездный город, долго не мог привыкнуть и всё рвался домой. Едва освоился –

и вот уже перебрался в городскую школу.

Чувствовал, что дом становится всё дальше.

А если потом поступит в университет в другом городе, то и вовсе окажется за тридевять земель, и добираться домой будет ох как нелегко.

И увидеться с Сунь Вэньцюем станет сложнее, да?

...О чём это я вообще.

Обычно Фан Чи бегал в горах по несколько часов, но сегодня был первый день Нового года, и надолго задерживаться он не мог – к обеду нужно вернуться за мясными пельменями.

Меньше чем через два часа он уже бежал обратно.

И всё равно было здорово: и побегал, и полазал, вспотел – и всё тело ощущало приятную лёгкость.

Когда они с Малышом выбежали на тропу, ведущую из гор, пёс вдруг залаял вперёд и помчался.

Фан Чи посмотрел в том направлении и увидел человека.

Это был Сунь Вэньцюй.

- Ты как здесь оказался?! – Фан Чи замедлил шаг, но тут подул ветер, и он ускорился, подбежав к Сунь Вэньцюю и сдернув наушники.

- Ждал тебя, – Сунь Вэньцюй был укутан по самые уши: шапка, шарф, перчатки, маска – но всё равно съёжился от ветра.

- Зачем ждал? – уставился на него Фан Чи. Уши и глаза Сунь Вэньцюя покраснели от холода, и он нахмурился. – Как долго ты здесь стоишь?

- Полчаса где-то. – Сунь Вэньцюй шмыгнул носом.

- Тебе что-то нужно? – удивился Фан Чи. – Ты бы позвонил.

- А где, скажи на милость, твой телефон? – спросил Сунь Вэньцюй.

- В кармане... – Фан Чи на ощупь проверил карман и не нашёл. – Я его не взял? Где он?

- У меня спрашиваешь? – Сунь Вэньцюй цыкнул. – Откуда мне знать? Может, дать мне понюхать и поискать?

- Наверное, оставил в гостинной, – почесал затылок Фан Чи и встал с наветренной стороны, пытаясь прикрыть Сунь Вэньцюя от ветра. – Тебе что-то нужно?

- Ничего, – Сунь Вэньцюй понял его замысел и придвинулся поближе, чтобы их силуэты совпали. – Просто посмотреть.

- На что?

- Убедиться, что с тобой всё в порядке, - Сунь Вэньцзюй произнёс это тише, будто не хотел, чтобы Фан Чи услышал.

- Со мной... что может случиться? - Фан Чи вдруг почувствовал неловкость.

- Кто знает. Мог ногу подвернуть, шлёпнуться, поскользнуться, или его волки утащили, - перечислил Сунь Вэньцзюй. - Кто знает.

Фан Чи рассмеялся над этим перечнем, но затем снова вернулся к неловкости и прочистил горло:

- Со мной всё в порядке.

- Пойдём обратно? - Сунь Вэньцзюй поправил шарф. - Хочу пельменей.

- Ага, пойдём. - Фан Чи взглянул на него и повернул назад.

Сегодня Сунь Вэньцзюй был одет не как пёстрая смесь: чёрная пуховик, облегающие брюки и ботинки, шапка и шарф - одного стиля, серые с узором, а маска была обычной чёрной, а не той, с окровавленной пастью. Всё вместе смотрелось гармонично.

И как-то умиротворяюще.

Часто Сунь Вэньцзюй производил именно такое впечатление.

Фан Чи оглянулся: Сунь Вэньцзюй шёл следом, опустив голову.

- Ветер хоть немного перекрывает? - спросил Фан Чи.

- Нет, - ответил Сунь Вэньцзюй из-под маски. - Будь у тебя комплекция твоего дяди - может, и перекрывал бы.

- Тогда зачем ты так идёшь?

- Хоть немного, но помогает. Уши болят, - вздохнул Сунь Вэньцзюй.

- Тогда... - Фан Чи колебался, затем снял с шеи наушники и надел их на Сунь Вэньцзюя. - Так лучше?

- Угу, - улыбнулся Сунь Вэньцзюй. - Только ничего не слышно.

- Я выключил. Хочешь послушать? - Фан Чи достал плеер.

- Не надо, твою дребедень слушать не стану.

- Не всю же дребедень, - усмехнулся Фан Чи. - Там ещё и твои дребезжалки есть.

- Понравилось? - Сунь Вэньцзюй стянул маску и криво улыбнулся.

- Понравилось, - Фан Чи посмотрел на него и на мгновение застыл.

- Тогда вечером ещё сыграю.

- Ты эрху с собой привёз? - удивился Фан Чи.

- Угу.

- Но если ужин затянется... - запнулся Фан Чи. - То есть... это может... помешать тебе отдохнуть...

- Будешь слушать или нет? - прищурился Сунь Вэньцуй.

- Буду.

<http://bllate.org/book/14411/1274150>